

Всеволод Сергеевич Соловьев

Вопрос (Проза)

Всеволод Соловьев так и остался в тени своих более знаменитых отца (историка С. М. Соловьева) и младшего брата (философа и поэта Владимира Соловьева). Но скромное место исторического беллетриста в истории русской литературы за ним, безусловно, сохранится.

Помимо исторических романов представляют интерес воспоминания

Содержание

I	.0004
II	.0008
III	.0012
IV	.0017
V	.0022
VI	.0028
VII	.0032
VIII	.0036
IX	.0039
X	.0045
XI	.0051
XII	.0055
XIII	.0061
XIV	.0064
XV	.0069
XVI	.0073
XVII	.0078
XVIII	.0083
XIX	.0087

Вс. С. СОЛОВЬЕВЪ
ВОПРОСЪ

Матвѣевъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ у бюро и спѣшно дописывалъ отвѣтъ на дѣловое письмо, полученное имъ съ вечера. Небольшіе часы изъ темнаго мрамора, поставленные на каминѣ между двухъ старыхъ вазъ, пробили девять. Изъ окна на бюро падалъ свѣтъ блѣднаго зимняго утра и какъ бы лѣниво расплывался по всей комнатѣ. Эта комната, съ темно-сѣрыми обоями, съ мебелью, обитой полосатымъ, нѣсколько выцвѣтшимъ репсомъ, съ потертымъ ковромъ и двумя книжными шкапами, гдѣ книгъ было слишкомъ много, такъ что онѣ едва помѣщались, — производила довольно непріютное впечатлѣніе.

Видно было, что человекъ, жившій здѣсь и работавшій, ничуть не заботился объ удобствахъ и красотѣ своей обстановки, а быть можетъ, даже совсѣмъ и не замѣчалъ ее. Одно только, среди этой унылой комнаты, бросалось въ глаза: на стѣнѣ, передъ бюро, въ дорогой рамѣ, красовался большой портретъ, писанный маслянными красками. Съ полот-

на очень живо глядѣло личико молоденькой женщины, прическа и нарядъ который показывали, что портретъ сдѣланъ не теперь, а лѣтъ двадцать тому назадъ.

Самъ Матвѣевъ какъ нельзя больше подходилъ къ общему тону этого кабинета. Вся его фигура тоже говорила, что онъ не заботится о своей внѣшности, не замѣчаетъ ее. Его длинный, разстегнутый сюртукъ, вышедшій изъ моды фасонъ воротничка, наскоро повязанный галстухъ, — сразу показывали, что ему некогда или нѣтъ охоты подумать о туалетѣ. Небрежность была замѣтна и въ давно неподстриженныхъ волосахъ, неровныя пряди которыхъ ложились на воротникъ сюртука, и въ черезчуръ длинной, негустой бородѣ.

Однако, при всей этой небрежности и даже почти опущенности, Матвѣевъ все же производилъ впечатлѣніе настоящаго «барина». Ему было за сорокъ лѣтъ, но онъ казался, несмотря на какъ бы утомленный видъ его лица, а, быть можетъ, и благодаря именно этому виду, — моложе своего возраста.

Матвѣевъ дописалъ письмо, заклеилъ конвертъ, взглянулъ на часы и потянулся въ

кресль. Потомъ его взглядъ остановился на косомъ кожаномъ футлярчикѣ, лежавшемъ за большой мраморной чернильницей. Онъ приподнялся съ кресла, подвинулъ къ себѣ футляръ, открылъ его и нѣсколько секундъ съ видимымъ удовольствіемъ разглядывалъ сверкавшій на темно-синемъ бархатѣ широкой браслетъ, украшенный крупными, чистѣйшей воды брилліантами. Потомъ онъ снова заперъ футляръ и прикрылъ его бумагами.

Теперь на лицѣ его выражалось нетерпѣніе. Онъ сидѣлъ, постукивая пальцами о ручку кресла. Онъ ждалъ и прислушивался.

И вотъ онъ разслышалъ легкіе шаги. Дверь отворилась. Передъ нимъ была стройная дѣвушка, вся еще розовая и свѣжая отъ умыванья, еще пахнувшая душистымъ мыломъ; но уже совсѣмъ и по-праздничному одѣтая въ новомъ, съ иголочки, платьѣ свѣтлаго, неопредѣленнаго цвѣта, въ складочкахъ, кружевахъ и ленточкахъ. У него при ея входѣ явилось такое ощущеніе, какъ будто вся комната сразу освѣтилась.

— Ты готовъ?! и я тоже готова... и кофе готовъ! — проговорила дѣвушка звонкимъ голосомъ.

Онъ привлекъ ее къ себѣ, и она, забывъ о томъ, что можетъ смять новенькое платье, почти упала къ нему на колѣни. Она порывисто и крѣпко обвила его шею руками и прижалась къ его щекѣ головою.

— За что же ты меня душишь!.. Ну, покажись... дай, я тебя поцѣлую... честь имѣю поздравить новорожденную!.. Маша, да что жъ это, наконецъ, такое?!

Но она ничего не слушала. Она все крѣпче сжимала его шею руками, все крѣпче къ нему прижималась. Наконецъ, она почувствовала, что ему, дѣйствительно, больно и почти нечѣмъ дышать. Тогда она быстро разжала руки, повернула голову и стала его цѣловать въ лобъ, въ глаза, въ щеки, громкими и частыми, совсѣмъ дѣтскими поцѣлуями.

И въ то же время, какъ бы по какому-то чутью, одинъ круглый, темно-сѣрый глазокъ ея, опущенный длинными рѣсницами, такъ таки прямо и остановился на футлярѣ, полуприкрытомъ бумагами. Матвѣевъ сейчасъ же замѣтилъ это.

— Ахъ ты, лиса! — воскликнулъ онъ веселымъ, совсѣмъ молодымъ голосомъ:— ужъ почувяла... ну, бери, бери.

Маша не заставила ждать: она вспрыгнула и, во мгновение ока, не только футляръ былъ

у нея въ рукахъ, но и браслетъ оказался надѣтымъ на ея тонкую, розовую руку.

— Папочка, папочка! — почти вздыхала она отъ восторга, разглядывая браслетъ:— папочка!.. я знала, что ты подаришь мнѣ что-нибудь такое... я знала, что ты былъ у Фаберже... но это... нѣтъ, это такая прелесть!.. А брилліанты! Господи, я никогда такихъ и не видывала!.. Папочка! это даже слишкомъ... слишкомъ хорошо... право!..

Она опять повисла у него на шеѣ.

Но ей надо было еще хорошенько полюбоваться чудеснымъ подаркомъ. Она оставила отца, подошла къ окну, подняла руку и, склонивъ голову, полуоткрывъ сочныя губки и немножко прищуря глаза, глядѣла, какъ переливаются огни брилліантовъ.

Матвѣевъ не спускалъ съ нея глазъ. Потомъ онъ мгновенно поблѣднѣлъ и перевелъ взглядъ на большой портретъ надъ бюро. Онѣ, дѣйствительно, въ эту минуту были очень похожи другъ на друга... Онъ поблѣднѣлъ еще больше и закрылъ лицо руками.

Маша кинулась къ нему.

— Папочка... милый... что съ тобой?!

Она силою развела его руки и увидѣла, что все лицо его въ слезахъ, что слезы, одна за другою, такъ и катятся по щекамъ и бородѣ. Маша совсѣмъ растерялась; она тоже поблѣднѣла, опустила передъ нимъ на колѣни, не зная, что сказать, что сдѣлать. Она никогда не видала отца такимъ, и даже ей въ голову не приходило, что онъ можетъ плакать.

— Тебѣ... тебѣ сегодня восемнадцать лѣтъ... и ей тогда было восемнадцать, — едва слышно прошепталь онъ. — Дѣвочка моя... жизнь моя!

Онъ порывисто, почти безумно охватилъ руками Машину голову и зарыдалъ.

Маша совсѣмъ замерла, даже дышать боялась, и тоже плакала.

Но онъ быстро очнулся, самъ всталъ и поднялъ Машу.

— Нѣтъ... прошло... зачѣмъ!.. — растерянно и бодрясь проговорилъ онъ. — Пойдемъ пить кофе...

Онъ слабо улыбнулся, тряхнулъ головою и вышелъ изъ кабинета. Маша робко и смущен-

НО ПОШЛА ЗА НИМЪ, УКРАДКОЙ ВЫНИМАЯ ПЛАТОКЪ И СТАРАЯСЬ НЕЗАМѢТНО ВЫТЕРЕТЬ СВОИ СЛЕЗЫ.

Они прошли довольно большую залу съ ро-
 ялемъ, высокими цѣльными зеркалами и
 легкой мебелью, крытый малиновымъ што-
 фомъ; потомъ маленькую гостиную, наряд-
 ную, и кокетливую, больше похожую на буду-
 арь, чѣмъ на гостиную. Французскій коверъ
 нѣжнаго рисунка во всю комнату, низенькая
 мягкая мебель, всевозможнаго рода хитро
 расшитыя подушечки и пуфы, душистые
 гіацинты въ жардиньеркахъ, всюду красивыя
 бездѣлушки. Видно было, что въ этомъ уголкѣ
 не то, что въ кабинетѣ, что здѣсь о красотѣ и
 удобствѣ очень заботятся, что здѣсь распоря-
 жается балованная хозяйка.

— Какъ сильно пахнетъ цвѣтами... че-
 резчурь... это даже вредно! — сказалъ
 Матвѣевъ, останавливаясь.

Маша встрепенулась и, съ нѣскольکو на-
 пускной веселостью, воскликнула:

— Да, вѣдь, ты самъ велѣлъ вчера
 перемѣнить всѣ гіацинты и еще прибавить! А
 это... посмотри-ка, что за прелесть!

Она подбѣжала къ столику, вынула изъ во-

ды большой букетъ ландышей и, впивая въ себя опьяняющій запахъ, поднесла къ отцу.

— Вѣдь, это мои любимые цвѣты... какъ пахнетъ! Совсѣмъ будто лѣто... и лѣсъ... Понюхай! чудо!

— Откуда-же это?

— Не знаю... съ полчаса, какъ принесли, а отъ кого — не сказали. Принесъ посыльный, отдалъ и ушелъ.

Если бы Матвѣевъ былъ внимательнѣе, онъ сейчасъ же бъ увидѣлъ по глазамъ Маши, избѣгавшимъ встрѣчи съ его взглядомъ, что она лжетъ, что если она даже и не знаетъ навѣрное, то, во всякомъ случаѣ, догадывается, кто это прислалъ ей ея любимые цвѣты. Но Матвѣевъ ничего не замѣтилъ. Онъ разсѣянно понюхалъ ландыши и прошелъ въ столовую.

Тамъ, за чайнымъ столомъ, приготовляясь разливать въ чашки кофе, сидѣла очень ужъ пожилая и тучная дама. Лицо у нея было добродушное, красное, но въ то же время чѣмъ-то, видимо, сильно озабоченное; каріе глаза то и дѣло моргали. Она торопливо поднялась съ мѣста и пошла съ протянутой рукой въ

Матвѣеву.

— Поздравляю, Александръ Сергѣевичъ, съ новорожденной, — сказала она и, при взглядѣ на него, голосъ ея дрогнулъ.

— Спасибо, Настасья Петровна, и васъ тоже поздравляю.

Онъ крѣпко сжалъ ея пухлую руку и они обмѣнялись мгновеннымъ, взаимно благодарнымъ взглядомъ, а затѣмъ оба невольно перевели глаза на Машу.

Настасья Петровна заторопилась съ кофе. Маша подобралась къ ней и молча показывала свой браслетъ.

Настасья Петровна шепнула:

— Прелесть! Я ужъ его видѣла, — а сама въ это время думала: «вѣдь, еще вечеромъ отъ Фейна должны были вина и сигары прислать, и вотъ до сей поры нѣтъ и нѣтъ!.. Люди всѣ заняты... Ивана послать, нечего и думать... прачка негодяйка дома не ночевала... Лиза у Машеньки убираетъ... кучеръ съ нами — вернемся въ первомъ часу... и вдругъ у Фейна забыли... Ну, ужъ денекъ!..»

Разговоръ не вязался. Но вотъ Маша, допивъ свою чашку, обратилась къ отцу:

— Папа, а, вѣдь, мы сейчасъ ѣдемъ къ обѣднѣ, въ Казанскій?..

— И я бы поѣхалъ съ вами, да нельзя. У меня сегодня докладъ въ половинѣ одиннадцатаго.

Онъ только сейчасъ вспомнилъ объ этомъ докладѣ и усиленно соображалъ, всѣ ли бумаги въ порядкѣ... «Все же пересмотрѣть надо... А то опять: „не кажется ли вамъ, добрыйшій Александръ Сергѣевичъ, въ этой фразѣ какъ бы нѣкая неточность?..“ Ему представилась розовая, сіяющая лысина, двѣ звѣзды на форменномъ фракѣ и длинный отшлифованный ноготь, указывающій на „нѣкоторую неточность“.

Онъ взглянулъ на часы.

— Если ѣдете, то вамъ бы ужъ и пора... ты, вѣдь, еще сколько будешь собираться!

— Нѣтъ, я сейчасъ, мнѣ только теплыя ботинки и шляпку, — сказала Маша, встала, взяла обѣими руками голову отца, крѣпко и громко поцѣловала его въ лобъ, и скрылась изъ столовой.

Вслѣдъ за нею поднялась и Настасья Петровна. Она, было, остановилась, видимо, же-

лая что-то сказать Матвѣеву; но, искоса взглянувъ на него, ничего не сказала. Несмотря на свое многолѣтнее пребываніе въ домѣ и неизмѣнную доброту Матвѣева, она его, неизвѣстно почему, упорно боялась. Ей такъ все и казалось, когда она сама чѣмъ-нибудь тревожилась: „А вдругъ онъ разсердится? А вдругъ будетъ непріятность?“ Поэтому она и теперь не рѣшилась сообщить ему своего все усилившагося безпокойства относительно Фейна. Она-бъ еще собралась съ духомъ и сказала, если-бъ онъ къ ней обратился; но онъ ея не видѣлъ, не замѣчалъ ея присутствія. Онъ сидѣлъ, понуря голову, безсознательно кроша хлѣбъ и потомъ собирая крошки.

IV

Домой вернулся Матвѣевъ около четырехъ часовъ, и уже совсѣмъ въ иномъ настроеніи. Онъ усталъ, сильно проголодался, а главное, его охватило неизмѣнное чувство, вотъ уже восемнадцать лѣтъ испытываемое имъ при возвращеніи домой: онъ хотѣлъ скорѣе, какъ можно скорѣе, увидеть Машу. И она, какъ почти всегда это дѣлала, слыша звонокъ, въ которомъ никогда не могла ошибиться, выбѣжала навстрѣчу. Матвѣевъ восторженно, почти благоговѣйно, оглядѣлъ ее и почувствовалъ, что ему тепло, хорошо и весело.

— Папа, слава Богу, что ты такъ рано вернулся, — сейчасъ-же заговорила Маша: — я очень боялась, что ты сегодня опоздаешь. Мы непременно должны раньше обѣдать, и обѣдъ уже готовъ. А то намъ не справиться.

Идя за отцомъ по залъ, она шепнула ему:

— Настасья Петровна какъ-то особенно сегодня опаздываетъ, говоритъ: поспѣю, а сама ни съ мѣста.

Вдругъ она вспомнила:

— Ахъ, папочка, вообрази, какая досада: Телепневы не будутъ вечеромъ. Сейчасъ я получила отъ Елены записку — Петя заболѣлъ и, кажется, скарлатина.

— Да, я слышалъ, скарлатина очень ходитъ по городу, — отвѣтилъ Матвѣевъ:— только, говорятъ, все больше самая легкая форма.

— Ужасно досадно, что ихъ не будетъ!

— А ты, кажется, боишься, что на твоёмъ вечерѣ мало будетъ народу? Не безпокойся... какъ-бы только помѣститься!

Онъ остановился, оглядѣлъ залу.

— Тутъ не очень-то разтанцуешься, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, папочка, ничего, въ тѣснотѣ не въ обидѣ, лишь бы весело было.

И опять онъ не замѣтилъ, какъ по ея лицу пробѣжало что-то особенное, совсѣмъ необычное, какъ она вспыхнула, и глаза ея затуманились, а взглядъ ихъ будто ушелъ далеко.

— Такъ я сейчасъ переодѣнусь, — сказалъ онъ:— а ты вели подавать на столъ.

За обѣдомъ Матвѣевъ сталъ егце веселѣе. Онъ слѣдилъ, безсознательно, но радостно, за

каждымъ движеніемъ Маши, вслушивался въ каждый звукъ ея голоса, подшучивалъ надъ ея страхомъ, что никто не пріѣдетъ, надъ тѣмъ, что она ничего не ѣсть отъ волненія. Наконецъ, онъ даже разсказалъ Машѣ и Настасьѣ Петровнѣ объ одномъ веселомъ танцевальномъ вечерѣ во время его юности.

Это было въ очень богатомъ и гостепріимномъ домѣ, гдѣ они, еще не окончившіе курса юноши, танцовали до упаду и ухаживали за пятнадцати и шестнадцати-лѣтними дѣвочками. Одинъ разъ вся молодежь, постоянно бывавшая въ домѣ, въ одинъ и тотъ-же день получила приглашеніе на танцевальный вечеръ. Нѣ десять часовъ по обыкновенію, всѣ стали собираться. Но како-во-же было удивленіе гостей: въ домѣ едва зажжены лампы. Хозяйка и ея хорошенькая дочка въ домашнихъ туалетахъ. Никакого вечера не предполагали и никого не звали. А гости между тѣмъ собираются. И такимъ образомъ набралось чело-вѣкъ пятьдесятъ. Освѣтили залу, послали за таперомъ и вечеръ вышелъ такимъ удачнымъ, какого никто изъ бывшихъ и не запомнитъ. Оказалось, что всѣ

пригласительныя письма были помѣчены первымъ апрѣля. А кто сыгралъ эту шутку — такъ и осталось навсегда неизвѣстнымъ.

Но, уже оканчивая этотъ рассказъ, Матвѣевъ почувствовалъ, что и Настасья Петровна, и Маша имъ нисколько не интересуются, да и врядъ-ли даже и слушаютъ, хотя Настасья Петровна и глядитъ прямо на него, все чаще и чаще моргая.

Настасья Петровна было совсѣмъ не до рассказовъ. Хотя вина и сигары были уже доставлены отъ Фейна, но оставалось еще много самыхъ важныхъ вопросовъ. Главное-же, у нея было особое основаніе тревожиться за этотъ вечеръ. Любимѣйшимъ занятіемъ Настасьи Петровны, въ свободные отъ хозяйственныхъ заботъ часы, было раскладыванье пасьянса и гаданье на картахъ. Гаданье ея оказывалось такъ удачно, что знакомые даже составили ей репутацію «удивительной гадалки» и всегда обращались къ ней съ просьбой «погадать», доставляя ей этимъ неизъяснимое удовольствіе. Съ картами въ рукахъ она вся преображалась, дѣлалась важной, внушительной; даже глаза ея не такъ ча-

сто моргали. Сама-же она своимъ картамъ вѣрила свято.

И вотъ загадала она на сегодняшній вечеръ, а у нея и вышло: «пиковый интересъ въ трефовомъ домѣ» и при этомъ, какъ не верти, полное «замѣшательство въ червонной масти». Настасья Петровна рѣшила, что быть вечеромъ какой ни на есть бѣдѣ, и трепетала.

Маша едва досидѣла до конца обѣда и затѣмъ скрылась. Матвѣевъ заперся у себя въ кабинетѣ. Ему надо было составить спѣшную дѣловую бумагу, а Машинъ вечеръ кончится не ранѣе трехъ или четырехъ часовъ ночи. Этотъ вечеръ, этотъ шумъ, не входившіе въ его привычки, ему вовсе не улыбались. Но онъ даже самому себѣ боялся признаться въ этомъ: вѣдь вотъ уже цѣлый мѣсяць, какъ Маша только и мечтала о танцевальномъ вечерѣ въ день ея рожденія.

Когда Матвѣевъ, уже совсѣмъ одѣтый, вышелъ изъ спальни, яркій свѣтъ лампъ и свѣчей почти ослѣпилъ его. Онъ просто не узналъ свою квартиру — такое она производила блестящее и новое впечатлѣніе.

Скоро и зала, и Машина гостинная, и кабинетъ, и столовая наполнились гостями. Настасья Петровна, въ шумящемъ шелковомъ платьѣ стального цвѣта и въ наколкѣ съ лиловыми лентами, имѣла видъ, внушавшій невольныя опасенія. Она была такъ красна, глаза ея такъ моргали и, вообще, вся ея фигура выражала такую напряженность, что положительно можно было ожидать апоплексического удара.

Она старалась быть какъ можно любезнѣе со всѣми, не терять своего достоинства, имѣть видъ веселый, почти беззаботный. Но, несмотря на всѣ усилія, ей этого не удавалось. Тревога ея достигала высшаго предѣла, хотя повидимому, ничто не предвѣщало никакого несчастія.

Однако, вѣдь, ея карты не могли солгать, потому что — она искренно этому вѣрила — никогда не лгали. До обѣда у нея еще оставалась слабая надежда, что произошла какая-нибудь ошибка по ея недосмотру. Передъ тѣмъ какъ одѣваться къ вечеру, она запер-

лась у себя и спѣшно опять разложила карты. Открыла — и руки опустились: «пиковый интересъ въ трефовомъ домѣ», а рядомъ «сердечное огорченіе»! Она ужъ и не стала продолжать, такъ какъ не сомнѣвалась, что и «замѣшательство въ червонной масти» окажется на своемъ мѣстѣ. Лучше и не смотрѣть... что-нибудь, а ужъ стрясется, ужъ никакъ теперь не минуешь.

Маша въ своемъ блѣдно-розовомъ легкомъ платьѣ съ длинной и узкой вырѣзкой на груди и спинѣ, съ обнаженными красивыми руками въ длинныхъ, выше локтя, перчаткахъ, была очень мила и побѣдоносно сознавала это. Одѣвшись и отпустивъ горничную Лизу, она долго стояла передъ трюмо, изучая себя въ мельчайшихъ подробностяхъ. Она также мысленно представляла себѣ своихъ сверстницъ, ожидаемыхъ ею, и рѣшила вопросъ: кто будетъ всѣхъ лучше на вечерѣ? Сегодня, именно сегодня, она должна быть непременно лучше всѣхъ...

Маша вовсе не была ни завистлива, ни зла; но теперь она быстро и жадно изучала и оцѣнивала пріѣзжавшихъ молодыхъ

дѣвушекъ. Однако, пока никто изъ нихъ не могъ особенно смутить ее: она и у самыхъ хорошенькихъ находила недостатки и погрѣшности туалета. Ей-же то и дѣло отражавшія ее зеркала подтверждали, что она сегодня хороша какъ никогда.

Чудесный утренній подарокъ отца — широкій браслетъ сверкаль своими брилліантами. Да и другой, болѣе скромный утренній подарокъ не былъ забытъ: въ волосахъ Маши и на груди ея бѣлѣлись душистыя вѣтки ландышей изъ неизвѣстно кѣмъ присланнаго букета...

Самъ Александръ Сергѣевичъ, хоть и не заботился объ этомъ., былъ очень красивъ. Фракъ, далеко не новаго фасона, но отлично сшитый, шелъ къ нему. Онъ тщательно причесалъ волосы, такъ что они уже не падали космами на воротникъ и, несмотря на длинную бороду, казался совсѣмъ молодымъ человекомъ. На лицѣ своемъ онъ вызвалъ любезную улыбку, относившуюся безразлично ко всѣмъ, и старался добросовѣстно исполнять роль хозяина. Онъ давно ужъ отвыкъ отъ общества и всегда въ большомъ собраніи

чувствовалъ себя неловко и принужденно. Къ тому-же всѣ эти люди, наполнявшіе теперь его комнаты, очень мало его занимали; у него съ ними почти не было общихъ интересовъ. Онъ обходилъ всѣхъ, съ усиліемъ обдумывая и припоминая, кому что надо сказать или о чемъ освѣдомиться.

Въ кабинетъ было раскрыто три карточны-хъ стола, и устроились партіи. Тутъ собрались самые почтенные гости. Были здѣсь нарядныя старушки. Одна все трясла головою и то и дѣло глядѣла въ старинный золотой лорнетъ, чисто по привычкѣ и изъ увѣренности, что такъ слѣдуетъ, потому что и въ лорнетъ и безъ лорнета равно плохо видѣла. Другая, тоже по привычкѣ, все еще являла слѣды непо- сильной своей борьбы съ временемъ: брови у нея совсѣмъ вылѣзли; но она ихъ нарисовала, а такъ какъ старыя руки при этомъ дрожали, то одна бровь вышла выше и длиннѣе другой. Третья старушка держалась такъ, что кажды-мъ своимъ движеніемъ, каждой миной будто говорила «*Je fais bonne mine au mauvais jeu...* что дѣлать! но все-же всѣ должны отлично чувствовать, что я только благосклонна, а на-

хожусь не совсѣмъ въ томъ обществѣ, къ которому привыкла»...

Были здѣсь два генерала: одинъ длинный, сухой, ужасно похожій на недавно открытую мумію Рамзеса II, а другой — маленькій, толстенькій, съ лицомъ добродушной старой нянюшки. Остальные были тоже генералы, но уже статскіе, на лицахъ которыхъ лежала несмываемая печать долгихъ лѣтъ, проведенныхъ въ затхлобумажной департаментской атмосферѣ.

Въ Машинной гостиной устроились, подъ наблюдениемъ Настасьи Петровны, дамы менѣ важнаго вида и менѣ почтенныхъ лѣтъ, а также и не столь чиновные мужчины. И тутъ, какъ-то совсѣмъ незамѣтно, вдругъ появился зеленый карточный столикъ и, подъ шумокъ разговора, сама собою образовалась партія.

Настасья Петровна была какъ въ чадѣ, едва понимала, что ей говорятъ, а отвѣчала уже чисто по вдохновенію. Она все ждала «бѣды» и въ то-же время должна была убѣждаться, что все хорошо и не только «прилично», но совсѣмъ «какъ въ самыхъ лучшихъ домахъ».

Два лакея отъ ресторатора, болѣе похожіе на губернаторскихъ чиновниковъ для особыхъ порученій, чѣмъ на лакеевъ, безшумно, съ достоинствомъ и ловкостью разносили чай и печенья на серебряныхъ подносахъ.

Даже Иванъ, доставлявшій Настась Петровнѣ не мало горя своей заносчивостью и способностью ежедневно бить ламповыя стекла (причемъ онъ равнодушно заявлялъ, что если стекло не бить, то къ чему-же тогда всѣ ламповыя и стекольные магазины), былъ неузнаваемъ. Онъ, видимо, не хотѣлъ ударить лицомъ въ грязь передъ своими изящными коллегами и изо всѣхъ силъ подражалъ имъ.

«Да, здѣсь-то хорошо, а что-то тамъ, въ буфетъ и кухнѣ?!» — мучительно думалось Настась Петровнѣ.

Зала была наполнена двѣушками и нѣсколькими юными дамами, къ которымъ какъ-то лѣниво и нерѣшительно присоединялись сплотившіеся въ столовой танцующіе кавалеры. Распорядитель танцевъ, маленькій уланъ въ неимовѣрно коротенькомъ мундирѣ и съ обтянутыми, до неприличія выпуклыми бедрами, то и дѣло мышиною рысцой вбѣгалъ въ столовую. Навное, круглое его лицо въ желтенькими усиками, выведенными въ струнку, изображало большую озабоченность.

— Господа, что-жъ это вы! — повторялъ онъ пискливымъ голосомъ. — Вѣдь, пора начинать танцы... Идите-же въ залу... Господа, ей-Богу такъ нельзя!..

Но «господа», по большей части гвардейскіе офицеры, бывшіе въ домѣ въ первый разъ и приглашенные «для танцевъ», все не спѣшили. Нѣкоторые спокойно пили чай и переговаривались о своихъ дѣлахъ, другіе пробрались въ наскоро устроенную буфетную, гдѣ не только разрѣшалось курить,

но можно было, не откладывая въ долгій ящикъ, выпить даже и шампанскаго.

Наконецъ, изъ-подъ привычныхъ пальцевъ тапера вырвались первые темпы вальса, и пары закружились. Матвѣевъ, пробиравшійся въ гостиную, остановился и глядѣлъ. Ему пахнули въ лицо легкія женскія платья, мелькнули эполеты гвардейцевъ, развѣвавшіяся коротенькія фалды черныхъ фраковъ. Въ немъ самомъ гдѣ-то глубоко откликнулись, но сейчасъ-же и замерли, старыя воспоминанія. Онъ забылъ все и видѣлъ только Машу, и слѣдилъ, какъ она, склонясь къ своему кавалеру, зарумянившаяся и съ застывшей улыбкой, носится и кружится, едва касаясь паркета маленькими блѣдно-розовыми башмачками.

Теперь она рядомъ съ нимъ, но его не видитъ. Она навѣрно не видитъ никого и ничего. Вотъ она пронеслась, и отецъ все слѣдитъ за нею, безсознательно любуясь въ настоящую минуту не только ею, но и ея кавалеромъ. Черезъ минуту Машинъ кавалеръ, стремясь къ другой дамѣ, равняется съ Александромъ Сергѣевичемъ. Это высокій и строй-

ный молодой офицеръ генеральнаго штаба. Лицо веселое, открытое, голубые большіе глаза улыбаются.

— Миша... Михаилъ Степановичъ!

Офицеръ остановился.

— Съ кѣмъ танцуете первую кадрили? — ласково и дружески опросилъ Матвѣевъ, дотрогиваясь рукой до серебрянаго аксельбанта молодого человѣка.

— Съ Марьей Александровной.

Все лицо офицера такъ и сіяло.

— Ну и отлично, танцуйте.

Матвѣевъ самъ не зналъ, зачѣмъ остановилъ Михаила Степановича. Ему просто захотѣлось почувствовать на себѣ его улыбающійся взглядъ, дотронуться до него и этимъ выразить свою особенно какъ-то сильную въ этотъ вечеръ къ нему симпатію. «Славный малый, быстро думалъ онъ, глядя на удалявшуюся, фигуру офицера. — Изъ него прокъ будетъ... и сколько въ немъ жизни!»...

Онъ зналъ Мишу Бирюлева еще мальчишескомъ-кадетомъ, зналъ его отца и мать. Отецъ его занимаетъ видный военный постъ на югѣ Россіи. Миша только-что окончилъ въ перво-

мъ десяткѣ курсъ академіи генеральнаго штаба, передъ нимъ открывается прекрасная дорога. Онъ уменъ, умѣетъ работать. Въ послѣднее время Миша Бирюлевъ все чаще и чаще бывалъ у Матвѣевыхъ: Александръ Сергѣевичъ иногда часа по три съ нимъ бесѣдовалъ — и это ему доставляло удовольствіе.

VII

Вечеръ шелъ своей чередой и оказывался очень оживленнымъ. Старики и старушки въ кабинетъ доигрывали партіи и волновались. Въ гостиной велась оживленная бесѣда, такъ что и зеленый столикъ опустѣлъ и скрылся. Офицеры уже нѣсколько подогрѣтые въ буфетѣ, добросовѣстно исполняли свою обязанность, неутомимо работали ногами и ухаживали за дамами. Маленькій уланъ, весь увѣшанный орденами котильона, съ мокрымъ краснымъ лицомъ, превосходилъ самъ себя, придумывая самыя мудренныя фигуры. Никакой «бѣды» даже и не предвидѣлось, и Настасья Петровна, хотъ и неуспокоенная, ужъ начинала придумывать иное объясненіе «пиковому интересу». Матвѣевъ видѣлъ, что Маша весела и довольна. Рядомъ съ нею, почти все время, Бирюлевъ. Только за ужиномъ въ ней можно было замѣтить что-то странное, какъ-будто и особенное волненіе, и разсѣянность.

Вотъ и гости разъѣзжаются, вотъ уже Александръ Сергѣевичъ простился съ

послѣдними. Онъ стоитъ теперь въ кабинетѣ и ждетъ: сейчасъ вбѣжитъ Маша, чтобы съ нимъ проститься. Но Маши нѣтъ. Въ залѣ раздается бряцаніе шпоръ, и передъ нимъ Миша Бирюлевъ. Матвѣевъ нѣсколько изумленно взглянулъ на него; такое странное и смущенное лицо было у молодого человѣка.

— Александръ Сергѣевичъ, извините меня, — нетвердымъ голосомъ произнесъ офицеръ:— я самъ понимаю... теперь не время, вы устали... но я не могу... не могу дождаться завтрашняго дня... я не въ силахъ такъ уѣхать...

— Что такое, что случилось?! — почти испуганно спросилъ Матвѣевъ, взявъ его за руку.

— Александръ Сергѣевичъ, я... прошу васъ... я прошу... вы давно должны были видѣть, что я люблю ее...

— Что!? Кого!? — почти беззвучно прошепталъ Матвѣевъ.

— Я прошу руку Марьи Александровны. Она согласна, если вы не откажете, — произнесъ, пересиливая свое волненіе, молодой человѣкъ и поднялъ ярко-голубые глаза на Матвѣева.

Но тотъ стоялъ съ блѣднымъ и растеряннымъ лицомъ. У двери, робко и смущенно, показалась Маша. Матвѣевъ кинулся къ ней, схватилъ ея руки и такъ и впился ей въ глаза помутившимся взглядомъ.

— Ты... хочешь за него замужъ?! Ты его любишь?! — едва разслышала, едва поняла Маша странный, сдавленный шопотъ отца.

Она ничего не отвѣтила, но взглядъ ея сказалъ ему, что всѣ эти вопросы излишни.

Да, она хочетъ за него замужъ, да, она его любить.

Руки Матвѣева опустились, онъ отступилъ назадъ, съ ужасомъ взглянулъ на офицера, потомъ на дочь и, собравъ силы, не своимъ голосомъ выговорилъ:

— Я очень усталъ... я не могу сегодня, до завтра...

Почти шатаясь, онъ вышелъ изъ кабинета и заперъ за собою дверь въ спальню.

Маша и Бирюлевъ съ недоумѣніемъ и страхомъ глядѣли други на друга.

— Что это значитъ? — тихо произнесъ Бирюлевъ.

— Я ничего не понимаю, — еще тише ото-

звалась Маша. — Уѣзжайте скорѣе! А завтра, если утромъ не получите отъ меня записки, пріѣзжайте...

Онъ наклонился, порывисто поцѣловаль протянутую ему ея руку и спѣшно вышелъ изъ кабинета.

Она подошла къ двери въ спальню, хотѣла отворить ее, но дверь оказалась запертой на ключъ.

VIII

Матвѣевъ не слыхалъ, какъ нѣсколько разъ повертывалась дверная ручка, не слыхалъ потомъ, у самой двери, шороха к легкаго покашливанья Маши. Наконецъ, она не выдержала.

— Папа, милый,пусти меня, отвори дверь, вѣдь, ты даже не простился со мною...

Но онъ не слышалъ, совсѣмъ не слышалъ ея голоса. Она не посмѣла настаивать, не понимая, почему такъ разсердила его. Она была такъ счастлива и не могла никакъ себѣ представить, что это ея счастье можетъ быть нарушено, да еще кѣмъ-же — отцомъ! Ничего, какъ есть ничего она не понимала и пошла къ Настасьѣ Петровнѣ, чтобы рассказать ей все и просить у нея объясненія и совѣта.

А Матвѣевъ сидѣлъ неподвижно въ креслѣ у своей кровати. На туалетномъ столѣ горѣла свѣча и слабо озаряла его спальню. И какъ-то особенно тихо было въ этой одинокой спальнѣ, гдѣ прожилъ онъ много лѣтъ и гдѣ за все это время ничего не было измѣнено, не тронута.

Эта спальня производила странное, двойственное впечатлѣніе. Ее можно было принять и за обыкновенную общую спальню мужа и жены, дружно и нѣжно жившихъ между собою. Широкая двухспальная кровать, шкафъ-трюмо, дамская этажерка, въ углу кіотъ съ образами — и зажженная лампадка слабо озаряетъ, между образами, двѣ вѣнчальныя свѣчи, перевитыя лентами, и зѣнокъ изъ флеръ-д'оранжей. Но въ то-же время въ этой комнатѣ чувствовалась одинокая мужская жизнь, даже почти атмосфера какъ-бы кельи.

Минуты шли за минутами, а Матвѣевъ все сидѣлъ не шевелясь, все въ томъ-же положеніи. Часы изъ кабинета давно уже пробили пять, потомъ они пробили шесть.

Наконецъ, Матвѣевъ поднялся, съ кресла, медленно подошелъ къ туалетному столу и началъ раздѣваться. Зеркало отразило его блѣдное, усталое лицо. Вдругъ онъ взялъ свѣчку, поднесъ ее къ самому зеркалу, наклонился къ нему и сталъ себя разглядывать. Онъ увидѣлъ мелкія морщинки вокругъ своихъ глазъ, легкую сѣдину на вискахъ и въ бородѣ. Онъ будто въ первый разъ себя видѣлъ,

будто не узнавалъ себя. Онъ изумился тому, что увидѣлъ, изумился этимъ морщинамъ, этой сѣдинѣ, измѣненіямъ, произведеннымъ временемъ на лицѣ его. Онъ только теперь вдругъ понялъ, что долгіе годы совсѣмъ не замѣчалъ времени и до сихъ поръ безсознательно все еще считалъ себя прежнимъ молодымъ человѣкомъ. Сейчасъ вотъ, сейчасъ, онъ былъ такъ далеко въ прошедшемъ и думалъ, что это прошедшее — близко... что оно будто вчера было. А между тѣмъ, вѣдь, прошли годы, давно уже прошла вся молодость... куда-же и на что ушла она?..

IX

Отца и матери Матвѣевъ почти не зналъ. Оба они рано умерли. Воспитывался онъ у дѣда, извѣстнаго въ свое время сенатора Воротынскаго. Дѣдъ былъ человекъ сухой, надменный, упорный въ своихъ рѣшеніяхъ и всю жизнь добивавшійся только одного, чтобы все дѣлалось такъ, какъ ему было угодно. Къ своему внуку онъ не питалъ особенной привязанности. Онъ отдалъ его въ школу Правовѣдѣнія и вспоминалъ о немъ только тогда, когда мальчикъ являлся къ нему въ отпускъ и почтительно цѣловалъ его руку. Мальчикъ боялся дѣда и чувствовалъ себя какъ-то придавленнымъ въ его присутствіи. Едва показывалась высокая и сухая фигура сенатора, въ виць-мундирномъ фракѣ со звѣздами или въ черномъ атласномъ халатѣ на стеганой синей подкладкѣ, съ гладко выбритымъ, будто восковымъ лицомъ и прилизанными напередъ височками цвѣта соли съ перцемъ, — онъ мгновенно съеживался и замиралъ. Особенно страшными казались ему глаза дѣда — блѣдные, почти стеклянные, на

выкатъ. Что въ нихъ выражалось, нельзя было понять; но отъ ихъ устремленнаго взгляда морозъ подиралъ по кожѣ.

— Что это у тебя видъ всегда какой, совсѣмъ какъ заяцъ! — иногда скажетъ дѣдъ, если находится ужъ въ очень хорошемъ настроеніи духа. — То-то, чай, такого зайца бьютъ въ школь, да и подѣломъ — будь человекомъ, а не зайцемъ!

Мальчикъ блѣднѣетъ, слабо улыбается и ждетъ только возможности уйти, чтобы не видѣть этихъ глазъ, этой цѣпящей фигуры.

Впрочемъ дѣдъ нѣсколько какъ бы оживился, когда Александръ Сергѣевичъ окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ. Старикъ, уже бывшій не у дѣлъ, но все еще пользовавшійся большими связями, доставилъ внуку мѣсто и затѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, заботился о томъ, чтобы дать ему возможность сдѣлать хорошую служебную карьеру. Теперь онъ иной разъ вступалъ даже въ бесѣду съ внукомъ и поучалъ его:

— Надо приучаться жить, умѣть понимать жизнь, не терять ни одного дня. Ставь себѣ задачу достигнуть въ жизни какъ можно боль-

шаго положенія въ свѣтъ, почестей, богатства. Ставь цѣль и прямо иди къ ней, не оглядываясь по сторонамъ, не сбиваясь съ прямой тропы. Помѣха передъ тобою, препятствіе — сбрось ихъ, ничѣмъ не смущаясь, сбрось, ты имѣешь на это право. А силъ не хватаетъ — остановись. Стой, выжидай, собирайся съ силами, по малу подкапывай препятствіе, пока оно не свалится. Очистилъ тропу и опять впередъ, и все — прямо. Знай: что жизнь только вѣчная борьба, что всѣ тебѣ враги и если кто не вредитъ тебѣ, то единственно по безсилію, лѣни или глупости...

— Дѣдушка, да если это такъ, если жить съ такими взглядами, то и жить не стоитъ!

Сенаторъ презрительно усмѣхался.

— Вздоръ! жить всегда стоитъ, ибо каждая побѣда дастъ наслажденіе. Но жить хорошо только и можно съ такими взглядами, съ ними только и можно избѣжать глупыхъ разочарованій и позднихъ сожалѣній о своей глупости.

Послѣ подобныхъ разговоровъ Матвѣевъ всегда испытывалъ такое ощущеніе, какъ-будто ему дышатъ нечѣмъ...

Какъ-то, во время одного изъ такихъ разговоровъ, сенаторъ далъ понять молодому человѣку, что имѣеть для него въ виду, въ близкомъ будущемъ, превосходную партію, которая его окончательно устроитъ.

— Теперь тебѣ еще рано жениться, Боже избави! Но года черезъ три подростетъ твоя невѣста, и я совѣтую тебѣ заранѣе обратить на нее вниманіе. Это дочь Павла Петровича.

Павель Петровичъ былъ однимъ изъ далеко еще не старыхъ, но ужъ очень высоко взлетѣвшихъ чиновниковъ, который въ добавокъ взялъ за женою большое состояніе.

Молодой Матвѣевъ на этотъ разъ внимательно вслушивался въ слова дѣда и даже очень ими заинтересовался. Онъ началъ часто бывать въ домѣ Павла Петровича. А черезъ три мѣсяца пришелъ къ дѣду и робко попросилъ его согласія на бракъ съ Марьей Ивановной Петровой.

Дѣдъ спустилъ очки на кончикъ носа и какимъ-то неопредѣленнымъ тономъ спросилъ:

— Это что-жъ такое? Кто такая Марья Ивановна Петрова?

Внукъ объяснилъ. Марья Ивановна была

прехорошенькая семнадцатилѣтняя компаньонка Лидочки, предполагавшейся невѣсты Матвѣева, недавно поступившая въ домъ Павла Петровича.

Выслушавъ это объясненіе, дѣдъ снова приподнялъ очки къ глазамъ и началъ пробѣгать бывшую у него въ рукахъ газету. Матвѣевъ стоялъ въ ожиданіи. Наконецъ, онъ произнесъ по виду довольно спокойно:

— Что-же, дѣдушка, разрѣшаете вы мнѣ?

Дѣдъ не повернулъ головы, не поднялъ глазъ и совсѣмъ равнодушно сказалъ:

— Ты съ ума сошелъ, оставь меня, и чтобы я никогда больше такого вздора не слыхалъ.

Однако-же ему очень скоро пришлось снова услышать объ этомъ вздорѣ.

Матвѣевъ зналъ хорошо дѣда и не настаивалъ передъ нимъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ онъ, въ присутствіи однихъ только свидѣтелей, обвѣнчался со своей Машей. Старикъ, черезъ третье лицо, объявилъ внуку, чтобы онъ не смѣлъ ему показываться на глаза. Тотъ и не показывался. У него отъ отца былъ капиталъ — тысячъ въ шестьдесятъ, къ тому-же онъ уже получалъ недурное

жалованье, и матеріальные вопросы его не тревожили. Въ любовномъ чаду онъ проживалъ съ Машей въ хорошенькой, наскоро устроенной квартирѣ, и счастливѣе его никого не было — по крайней мѣрѣ, самъ онъ такъ думалъ.

Х

Нѣсколько мѣсяцевъ прошли какъ сонъ. Если-бъ Матвѣевъ долженъ былъ опредѣлить свойства Маши: ея умъ, характеръ, привычки и особенности — онъ не могъ-бы сдѣлать этого. Онъ зналъ только одно, что любить ее съ каждымъ днемъ все больше и больше. Оба они были сиротами съ дѣтства, воспитанными равнодушными къ нимъ людьми, оба были юны, свѣжи, красивы, а потому и немудрено, что въ нѣсколько мѣсяцевъ еще не успѣли очнуться, наглядѣться и надышаться другъ на друга.

Они провели какое-то почти волшебное лѣто на дачѣ въ Павловскѣ, а когда вернулись въ городъ, то Машѣ уже пришлось перешивать свои хорошенькія платья, такъ какъ стройная фигура ея стала измѣняться. Когда Матвѣевъ понялъ, что въ его жизни, медленно, но неизбѣжно, готовится новое событіе такой важности, онъ растерялся.

Онъ и Маша были такъ еще юны и до того жили только настоящей минутой, что имъ ни разу не пришла въ голову мысль о возможно-

сти этого и естественности. Но Маша, сразу превратясь въ женщину, отнеслась къ своему новому положенію съ трепетной радостью. Онъ-же колебался, не зналъ, какъ ему быть — радоваться или тревожиться. Онъ чувствовалъ только большую неловкость и сознаніе, что для нихъ наступила теперь совсѣмъ новая жизнь. Превжняя жизнь, до самой этой минуты, была такъ волшебна; какова окажется новая — онъ еще не могъ себѣ представить, а потому былъ склоненъ тосковать по отлетавшемъ снѣ. Впрочемъ, онъ скоро привыкъ. Теперь онъ ждалъ, считая дни — и чѣмъ болѣе приближалось таинственное событіе, тѣмъ сильнѣе возростала его тревога.

Наконецъ, день наступилъ, и наступилъ раньше, чѣмъ его ожидали. Утромъ онъ уѣхалъ на службу, ничего не предполагая, а когда вернулся, часовъ въ пять, — его встрѣтила суета, приготовленія, покровительственный тонъ и успокоительныя слова пожилой особы, которую онъ до того видѣлъ мелькомъ всего раза два, и которая теперь ходила и распоряжалась какъ у себя дома. Маша была на ногахъ, она пришла къ нему въ

кабинетъ, нѣжно обняла его, просила не тревожиться, увѣряя, что «Анна Степановна» ручается за благополучный исходъ, старалась казаться веселой.

Но онъ видѣлъ, что Маша его обманываетъ, что сама страшно тревожится и страдаетъ. Руки у нея были холодцы какъ ледъ, а лицо горѣло: выраженіе было такое напряженное, странное.

За обѣдомъ она ничего не могла ѣсть и скоро ушла въ спальню. Онъ пробовалъ остаться и думать о постороннемъ; но не вытерпѣлъ и кинулся къ ней. Она встрѣтила его мучительнымъ стономъ. Прошелъ часъ. Машины стоны все учащались и, наконецъ, превратились въ раздирательные крики.

Матвѣевъ метался изъ комнаты въ комнату, нигдѣ не находя собѣ мѣста. Онъ ежеминутно приставалъ къ «Аннѣ Степановнѣ» все съ одними и тѣми-же вопросами и заставлялъ ее повторять все одно и то-же, успокоиваясь, пока она давала ему объясненія и ободряла его, и снова впадая въ отчаяніе и дѣтскую безпомощность, едва раздавался новый крикъ Маши.

Около полуночи Анна Степановна, нѣсколько встревоженнымъ голосомъ, сказала ему, что слѣдовало-бы послать за докторомъ.

Онъ похолодѣлъ и сразу не могъ произнести звука.

— Какъ?!. Вы находите... есть опасность? — наконецъ, прошепталь онъ, едва ворочая языкомъ и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ахъ, Богъ мой, ну чего вы пугаетесь! развѣ я говорю про опасность... я только нахожу присутствіе доктора полезнымъ... для вашего-же спокойствія.

Но онъ заставилъ ее побожиться, что нѣтъ опасности, а когда она, видя, что онъ не отстанетъ — побожилась, онъ сказалъ ей, что не вѣрять.

— Ну, такъ вотъ что, Александръ Сергѣевичъ, — рѣшительно объявила Анна Степановна. — Дверь въ спальню я запиру на ключъ и прошу васъ не входить: вы только мѣшаете мнѣ и тревожите барыньку.

Она, дѣйствительно, заперла дверь на ключъ, а онъ, не смѣя теперь тревожить Машу, слонялся по кабинету и гостиной, ломая руки

во время криковъ Маши и ежесекундно глядя на часы.

Докторъ пріѣхаль уже среди ночи. Матвѣевъ кинулся къ нему; но онъ почти не обратилъ на него вниманія, а перешепнувшись съ Анной Степановной, прошелъ прямо въ спальню.

Матвѣевъ ждалъ — и конца не было этому ожиданію. Онъ былъ теперь совсѣмъ какъ въ чаду. Онъ смутно понималъ, что послали за хлороформомъ. Машины крики, переходившіе то въ визгъ, то въ ужасную хрипоту — доводили его до полного изнеможенія. И такъ шли часы. Разсвѣтало.

Наконецъ, докторъ вышелъ — растрепанный, тяжело переводя дыханіе.

Матвѣевъ, съ искаженнымъ до неузнаваемости, совсѣмъ какимъ-то зеленоватосѣрымъ лицомъ, только жадно, съ ужасомъ и надеждой взглянулъ на него — говорить онъ не могъ, и онъ ждалъ, невыносимо боясь того, что услышитъ.

— Надо было раньше... я сдѣлалъ, что могъ... ребенокъ спасенъ... но, я долженъ сказать, что боюсь за послѣдствія для матери, —

проговорилъ докторъ, въ изнеможеніи опускаясь на диванъ.

XI

Матвѣевъ сразу ничего не понялъ. Онъ смутно чувствовалъ только, что надо туда, къ ней — и устремился въ спальню. Пропитанная ѣдкимъ лѣкарственнымъ запахомъ атмосфера охватила его. Онъ слышалъ какіе-то странные, неизвѣстные ему звуки — и не понялъ, что это крикъ его ребенка. Онъ склонился къ кровати и въ полумракѣ занавѣшенной комнаты увидѣлъ Машу — и почти не узналъ ее, до такой степени лицо ея измѣнилось, такое новое было въ немъ выраженіе.

Она съ большимъ усиліемъ подняла къ нему руку и слабо ему улыбнулась.

Говорить она не могла.

Онъ прильнулъ губами къ ея горячей рукѣ, и его наполнило чувство мучительнаго, почти паническаго страха...

«Что такое говорилъ докторъ?! она въ опасности!.. зачѣмъ-же это?.. какая теперь можетъ быть опасность?..» — стучало ему въ голову.

Къ это время Анна Степановна поднесла

къ нему что-то.

— Съ дочкой поздравляю... поглядите, какая хорошенькая дѣвочка, — сказала она.

Онъ оглянулся на ея голосъ и увидѣль, среди полотна, и кружевъ, маленькое, сморщенное, темное подобіе человѣческаго лица и копошившуюся крохотную ручку. Онъ тотчасъ-же отвелъ глаза и даже зажмурилъ ихъ, чтобъ не видѣть: это крохотное существо показалось ему какой-то страшной галлюцинаціей, и ему даже не пришло на мысль, что это «его и ея ребенокъ».

Дверь едва слышно скрипнула, и показался докторъ.

— Волновать ее невозможно... надо сдѣлать все, чтобъ она заснула, — мрачно произнесъ онъ. — Прошу васъ, выйдите...

Матвѣевъ почти безсознательно исполнилъ это требованіе...

Двое сутокъ продолжались страданія Маши. Она умирала отъ послѣдствій нежданной, но неизбѣжной операціи, безъ которой погибла-бы не только она, а и ребенокъ. Всѣ извѣстные доктора перебывали въ домѣ, но дѣлать было нечего — Маша умирала. Одинъ

только Матвѣевъ не хотѣлъ понимать этого, не вѣрилъ, не допускалъ возможности.

Онъ не сомкнулъ глазъ и, ужъ никого и ничего не слушая, не отходилъ отъ постели жены, даже пересиливая въ себѣ страхъ и почти отвращеніе, возбуждаемые въ немъ близостью крохотнаго существа, которое то и дѣло кричало.

Машу причастили. Страданія ея какъ-бы стихли. Она лежала неподвижно, и онъ даже не могъ рѣшить — видитъ-ли она его, чувствуетъ-ли его присутствіе. Но онъ все-же не вѣрилъ, что это конецъ, онъ то и дѣло повторялъ себѣ: «когда-же это пройдетъ? когда-же она станетъ поправляться?.. скорѣе, скорѣе!» Безъ этой, упорно вызываемой имъ мысли, онъ не могъ жить...

Проходили минуты. Вдругъ Маша затрепетала и приподняла голову съ подушки.

— Дѣвочку! — шепнула она.

Ребенка поднесли къ ней.

— Возьми, — еще тише, почти однѣми губами, прошептала она.

Ея голова упала на плечо мужа и онъ слышалъ: «береги ее... береги». Потомъ Ма-

шина голова сдѣлалась тяжелой, потомъ, отъ невольнаго его движенія, покачнулась и какъ-то странно упала на подушку.

Онъ долго сидѣлъ неподвижно. Но когда Анна Степановна закрыла Машины глаза и сложила ей крестомъ на груди руки, онъ вдругъ вскочилъ и закричалъ безумнымъ голосомъ:

— Что вы дѣлаете? Лжете вы — она жива! она жива!.. оставьте ее!.. не смѣйте трогать!..

XII

Приступъ совсѣмъ безумнаго отчаянія оцѣпенѣніемъ. Въ день похоронъ Маши, Матвѣевъ постороннему человѣку могъ показаться равнодушнымъ. Одъ былъ какъ во снѣ, двигался безсознательно и совсѣмъ не понималъ того, что происходитъ. Даже когда опустили Машинъ гробъ въ могилу, у него не показалось ни слезинки, и желтое, осунувшееся лицо его не измѣнило своего застывшаго, уныло-спокойнаго выраженія. Разсѣяннo взялъ онъ горсть земли и бросилъ ее въ могилу.

Когда онъ вернулся долой, у него явилось такое ощущеніе, будто въ груди большой, тяжелый камень, котораго сбросить нѣтъ возможности, такъ что и пытаются нечего. И кромѣ этого ощущенія сильно давящаго камня, въ немъ ничего не было. Весь міръ, все — пропало, потеряло всякій смыслъ,

Анна Степановна принесла ему дѣвочку, пробовала говорить съ нимъ; но онъ совсѣмъ ее не слышалъ, а отъ дѣвочки отвернулся и махнулъ рукою.

— Унесите ее скорѣе!

Дни стали проходить за днями. Онъ мало-по-малу вернулся къ своей обычной жизни, отправлялся на службу, составлялъ бумаги, встрѣчался съ людьми, разговаривалъ, даже разсуждалъ. Но ко всѣмъ и ко всему, что онъ дѣлалъ, о чемъ говорилъ и разсуждалъ, — онъ относился съ равнодушiемъ и безучастiемъ. Камень продолжалъ давить его такъ, что онъ иногда почти задыхался. На свою дѣвочку онъ никогда не глядѣлъ, не подходилъ къ ней, а когда слышалъ ея крикъ, то запиралъ двери.

Теперь онъ жилъ и ночевалъ у себя въ кабинетѣ и въ спальню не заглядывалъ.

Онъ получилъ способность по цѣлымъ часамъ проводить въ забытiи, въ полудремотѣ, ни о чемъ не думать и всячески старался развивать въ себѣ эту способность, такъ какъ во время забытiя ужасный камень почти не чувствовался. Скоро это забытiе иногда стало находить на него и внѣ дома, на службѣ, во время работы или разговора съ кѣмъ-нибудь. Онъ останавливался, но докончивъ фразы, не отвѣчалъ на вопросъ, глядѣлъ прямо въ глаза

человѣку — и не видѣлъ его. Сослуживцы и знакомые ужъ толковали о томъ, что съ Матвѣевымъ не ладно, что онъ того и жди совсѣмъ сойдетъ съ ума...

Такъ прошло два мѣсяца. Кто за это время не видалъ его, не узналъ-бы. Отъ него остались кости да кожа, глаза ввалились и обвелись черными кругами. Долго жить въ такомъ состояніи было нельзя.

Какъ-то, это было въ ясный весенній день, Матвѣевъ вернулся домой совсѣмъ разбитый: давящая тяжесть въ груди душила невыносимо. Теплое, весеннее солнце, оживленіе и шумъ на улицахъ, всѣ проявленія жизни, особенно бросившіяся ему въ глаза, привели его, наконецъ, къ просто и опредѣленно сложившейся мысли, что жить больше нельзя и что необходимо, и какъ можно скорѣе, покончить съ этой невыносимой тяжестью...

И вотъ, когда новая его мысль уже перешла въ рѣшеніе, его взглядъ случайно упалъ на большой портретъ Маши. Онъ сталъ глядѣть; но видѣлъ вовсе не веселое, хорошенькое личико, изображенное на полотнѣ, а измѣнившееся, искаженное долгимъ

страданіемъ лицо, съ загадочнымъ, потухшимъ взглядомъ. Онъ ощутилъ, физически ощутилъ Машу здѣсь, на своей груди, и явственно разслышала, ея предсмертный шопоть, ея послѣднія слова:

«Береги ее... береги»...

Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, поднялся и, почти не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлалъ, направился въ спальню. Все было тихо. Веселый лучъ солнца врывается въ окно и прорѣзываетъ широкой полосой всю комнату. Дѣвочка тихо спала за кисейнымъ пологомъ колыбельки. Кормилица, добродушнаго вида молодая еще баба, курносая и съ веселыми глазами, сидѣла въ сторонѣ, ничего не дѣлая, сложивъ руки подъ высокой грудью. При входѣ барина, котораго она до сихъ поръ видала только мелькомъ, издали и считала «порченнымъ», она не шелохнулась и только ротъ раскрыла отъ удивленія.

Матвѣевъ прямо подошелъ къ колыбелькѣ, сталъ передъ нею на колѣни и тихонько отпахнулъ пологъ. Онъ увидѣлъ маленькую головку въ чепчикѣ, изъ-подъ котораго золотились пушистые волосы,

бѣленькое круглое личико съ полуоткрытымъ крохотнымъ ротикомъ и закрытыми глазами, опущенными длинными черными рѣсницами. Онъ глядѣлъ, глядѣлъ, затаивъ дыханіе, и вдругъ головка пошевелилась, и большіе темные глазки глянули прямо на него, прямо ему въ глаза, необыкновенно серьезно и внимательно.

Неизъяснимый приливъ любви, блаженства, нѣжности охватилъ его, слезы такъ и брызнули, и въ то-же время онъ почувствовалъ, какъ отходить отъ его груди тяжелый камень, какъ съ каждой секундой становится все легче дышать.

— Маша! Маша! — шепталъ онъ.

Дѣвочка заплакала, и все ея личико сморщилось, покраснѣло.

Онъ осторожно, дрожавшими руками, вынулъ ее изъ колыбельки, и прижималъ къ себѣ, и покрывалъ жадными поцѣлуями ея сморщенный лобикъ, ея глазки, ея горячія, пушистыя щечки.

Кормилица стояла возлѣ и, широко улыбаясь, показывая свои большіе бѣлые зубы, говорила:

— Баринъ, а баринъ! да, вѣдь, этакъ вы ее испужаете!..

XIII

Съ этого дня для Матвѣева началась новая жизнь. Онъ вышелъ изъ своего забытья, камень не давилъ его больше. Онъ продолжалъ сильно тосковать по женѣ, то и дѣло возвращался къ ней мыслью; но въ минуты, когда тоска и горе одолѣвали онъ шелъ къ «маленькой Машѣ», и ребенокъ давалъ ему такую отраду, что тоска и горе ослабѣвали, затихали.

Маленькая Маша сдѣлалась единственны-мъ живымъ интересомъ, смысломъ его жизни. Онъ пересталъ бывать въ обществѣ, никто не видалъ его въ театрахъ, да и нигдѣ не видалъ. Окончивъ служебныя занятія, онъ возвращался домой, и когда Маша не спала, онъ возился съ нею; когда она засыпала, онъ уходилъ въ сосѣдную комнату и брался за книгу, то и дѣло отрываясь отъ чтенія и прислушиваясь.

Хозяйствомъ его въ то время управляла пожилая нѣмка, рекомендованная Анной Степановой. Но эту нѣмку онъ почти не видалъ. Лучшими его друзьями были теперь корми-

лица и старая няня, взятая тоже по рекомендаціи Анны Степановны.

Эти двѣ женщины ходили за Машей, любили Машу и между ними и бариномъ не могло не установиться близости, такъ какъ интересы у всѣхъ ихъ были общіе. И кормилица, и няня теперь души не чаяли въ баринѣ. Проснется онъ утромъ и звонитъ, а черезъ нѣсколько секундъ ужъ слышитъ за дверью старушечій голосъ:

— Вотъ и нашъ папочка проснулись... а Машенька давно дожидается... Постучи, ма-тушка, въ дверь ручкой, скажи: папочка, можно къ вамъ?

— Можно, няня, можно, давайте ее сюда!

Толстая маленькая старушка съ огромной бородавкой возлѣ носа, вноситъ Машу, которая подпрыгиваетъ у нея на рукахъ, барабанить ее по круглому животу крохотными пухленькими ножками и, вытянувъ впередъ рученку съ отставленнымъ указательнымъ пальчикомъ, усиленно и напряженно хочетъ что-то сказать, что-то объяснить очень интересное и важное:

— А... а... а!.. бу... за!..

— А у насъ, скажи, папочка, зубочекъ новый за ночь вышелъ! — радостно говоритъ няня.

— Гдѣ? гдѣ? Покажите!

Онъ беретъ на руки Машу, цѣлуетъ ее, хочетъ разжать ей ротикъ. Но она не дается, ежится, хитро такъ смотритъ.

XIV

Время шло. Кормилица жила уже въ деревнѣ и являлась разъ въ годъ навѣстить барина и свою барышню. Она являлась съ загрубѣлымъ, обвѣтреннымъ, быстро старѣвшимъ лицомъ, приносила съ собою запахъ деревенской избы и неизмѣнный гостинецъ — полотняный мѣшечекъ съ калеными орѣхами. Матвѣевъ встрѣчалъ се какъ родную, любимую сестру, троекратно крѣпко цѣловался съ нею, спрашивалъ ее обо всемъ и, въ свою очередь, рассказывалъ ей «все», такъ какъ его «все» заключалось въ Машѣ. Передъ отъѣздомъ въ деревню кормилица входила къ нему въ шубу, съ головою, обвязанной большимъ клѣтчатымъ платкомъ, и, низко кланяясь, говорила:

— Прощенья просимъ, батюшка баринъ... за хлѣбъ, за соль... пошли вамъ Царица небесная здоровья, Машеньку, чтобъ растить да на нее радоваться, на золото наше ненаглядное...

Матвѣевъ не зналъ, какъ и одарить кормилицу. Она и любила-то барина да Машеньку за то, что каждый разъ получала то на по-

правку избенки, то на покупку коровки, но все-же любила. И Матвѣевъ бывалъ всегда растроганъ, видя, какъ при прощаньи съ Машей, она всегда утираетъ рукавомъ слезы.

Старая няня заболѣла, ее свезли въ больницу, и она тамъ умерла. Теперь въ домъ хозяйничала и всѣмъ управляла Настасья Петровна, старая дѣвица, какая-то очень дальняя родственница покойной Маши, а къ пятилѣтней уже дѣвочкѣ была приставлена для французскаго языка молодая швейцарка, Жюли.

Эта Жюли была здоровая, веселая и краснощекая дѣвушка, съ карими глазками и умильнымъ ротикомъ, слагавшимся въ сердечко. Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ она явилась «на пробу», докторъ, постоянно слѣдившій за здоровьемъ Маши, доказывала Матвѣеву, что при ребенкѣ непременно должно быть здоровое и молодое существо. Этотъ докторъ, изъ молодыхъ, «слѣдилъ за наукой», имѣлъ свои теоріи, каждый годъ ѣздилъ за границу и даже участвовалъ во французскихъ и нѣмецкихъ медицинскихъ изданіяхъ. Онъ увѣрялъ, что дѣти необычно-

венно восприимчивы и что атмосфера пожилого, а ужъ тѣмъ болѣе нездороваго челоуѣка очень вредно на нихъ дѣйствуетъ. Онъ привелъ множество примѣровъ, подтверждающихъ его мнѣніе, и закончилъ такъ:

— Да, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что, при постоянномъ, непосредственномъ общеніи между людьми происходитъ невидимый, но существенный обмѣнъ: старый, истощенный организмъ поглощаетъ силу молодого, здороваго организма и, кромѣ того, передастъ ему свои немощи. Недаромъ, когда царь Давидъ впалъ въ старость и одряхлѣлъ, рядомъ съ нимъ клали молодыхъ и здоровыхъ дѣвушекъ, эманации которыхъ придавали старцу силу и поддерживали жизнь его...

Этотъ примѣръ царя Давида окончательно убѣдилъ Матвѣева и, когда онъ увидѣлъ дышавшую здоровьемъ Жюли, съ ея розовыми щеками и умильнымъ ротикомъ, изъ котораго выглядывали повременамъ бѣлыя крѣпкіе зубы, онъ сразу рѣшилъ, что она должна остаться, что ея «атмосфера» не только не повредитъ Машѣ, но, навѣрное, будетъ для нея

здоровой.

Настасья Петровна хотѣла-было что-то возразить противъ этого рѣшенія; но только смутилась и ничего не сказала.

Жюли оказалась не дѣвушка, а золото. Она внесла въ домъ веселье, пѣсни, забавы. Маша такъ къ ней и прильнула, и не прошло мѣсяца, какъ ужъ очень мило начинала болтать по-французски.

Жюли была уроженка кантона Во, дѣвицы котораго извѣстны во всей Швейцаріи нѣжностью и слабостью своего сердца. Онѣ всегда влюблены — иначе быть не могутъ. Почувствовавъ влюбленность, онѣ не разсуждаютъ и отдаются непреодолимому влеченію сердца въ полной увѣренности, что борьба бесполезна. Съ первыхъ же дней своего пребыванія въ домѣ, Жюли влюбилась въ красиваго молодого «monsieur», а интимность, неизбѣжно устанавливавшаяся между нимъ и всѣми, кто былъ близокъ къ Машѣ, только усиливала эту влюбленность.

Если-бы Матвѣевъ не былъ исключительно поглощенъ своей дѣвочкой, онѣ давно замѣтилъ-бы, что Жюли сама не своя, когда

онъ рядомъ съ нею и къ ней обращается, что вся она такъ и загорается румянцемъ отъ каждаго его слова и что когда она произноситъ: «monsieur», голосъ ея особенно нѣженъ, глазки опущены, а ротикъ совсѣмъ превращается въ сердечко.

«Ну, такъ я и знала... скверная дѣвчонка ужъ начинается!» — повторяла себѣ въ глубокомъ негодованіи Настасья Петровна; но тутъ-же приходила къ рѣшенію, что дѣлать нечего, что «мужчины всѣ такіе» и что ей остается одно — закрывать на все глаза и ничего не видѣть. Однако, она глазъ не закрывала и жадно слѣдила за «Жюлькой».

А Матвѣевъ долго ничего не замѣчалъ. Со времени кончины жены и начавшей наполнять всю его жизнь любви къ ребенку, онъ совсѣмъ не думалъ о женщинахъ, не вслѣдствіе какихъ-либо разсужденій, а просто потому, что эта мысль не приходила ему въ голову. Онъ страстно любилъ только одну женщину, и эта женщина была отнята у него въ самый разгаръ его страсти. Поэтому, въ его воспоминаніи и представленіи, любимая женщина являлась святыней. Не будь маленькой Маши, онъ, вѣроятно, сталъ-бы искать новую святыню и тосковать по ней. Но при Машѣ некогда было ему искать, некогда было тосковать вся жизнь была наполнена.

Однако, онъ былъ молодъ и жилъ такъ только потому, что не было при его образѣ жизни, соблазновъ. Теперь-же «атмосфера» Жюли непременно должна была на него подѣйствовать. Онъ вдругъ сталъ замѣчать эту красивую дѣвушку и уже становился, хоть и не отдавалъ себѣ въ томъ отчета, неравнодушнымъ при ея близости.

Одинъ разъ послѣ объѣда, когда уже зажгли лампы, Жюли сидѣла съ Машей въ гостиной у стола, показывала ей картинки и объясняла ихъ. Маша внимательно, раскрывъ ротикъ, слушала и только время отъ времени спрашивала:

— Pourquoi est-elle mècheante, cette vieille dame?.. А отчего она злая?.. А зачѣмъ она пришла въ большой домъ?.. А зачѣмъ въ домъ была маленькая комната? а почему мальчикъ былъ бѣдный?..

Матвѣевъ вошелъ въ гостиную и, какъ всегда, не могъ не подойти къ Машѣ. Онъ поцѣловалъ ея русую головку, придвинулъ стулъ и сѣлъ рядомъ съ нею. Жюли подняла-было на него глаза, но сейчасъ-же и опустила ихъ. Она вся замерла и потеряла способность отвѣчать на Машины «зачѣмъ» и «почему».

У Матвѣева стучало сердце, и начинала кружиться голова. Онъ ужъ не видѣлъ Машу, видѣлъ только опущенные глаза Жюли, ея круглую пылавшую щеку, ея неровно дышавшую грудь. Онъ слѣдилъ, какъ отъ этого неровнаго дыханія едва замѣтно шевелится,

чуть-чуть приподымаясь надъ линіей корсета, коричневая шерстяная ткань платья Жюли. И это скромное, поношенное платьице вдругъ стало ему необыкновенно мило. Отъ прежней Жюли, простой вульгарной дѣвушки — ничего не осталось. Все въ ней и на ней сдѣлалось прелестнымъ, соблазнительнымъ, манящимъ. И онъ зналъ, зналъ навѣрно, что одно его движеніе, одинъ взглядъ — и все это будетъ принадлежать ему.

Крупная бѣлая рука Жюли съ маленькимъ бирюзовымъ колечкомъ на пальцѣ замерла на спинкѣ кресла, гдѣ сидѣла Маша. Матвѣевъ, уже не владѣя собою, приподнялся и впился взглядомъ въ эту руку. Но вдругъ онъ охватилъ руками голову своей дѣвочки, крѣпко поцѣловалъ ее и, не взглянувъ на Жюли, вышелъ изъ гостиной.

На слѣдующее утро — онъ сказалъ Настасьѣ Петровнѣ:

— Знаете, что мнѣ пришло въ голову... Я очень не хорошо поступилъ, взявъ къ Машѣ такую молодую и красивую бонну... Я вовсе не хочу, чтобы про меня ходили сплетни. На-

до, чтобы она нашла себѣ другое мѣсто... только безъ всякихъ непріятностей и чтобы она не обидѣлась.

Настасья Петровна какъ-то подозрительно на него взглянула.

— Конечно, вы правы, Александръ Сергѣевичъ, — сказала она: — я все это потихоньку устрою, а для Машеньки поищу бонну постарше, лѣтъ подѣ тридцать... Красота въ нихъ — вещь лишняя...

Дней черезъ десять Жюли, вся въ слезахъ, огорченная и обиженная, ничего не понимая и клянясь въ вѣчной ненависти къ Настасьѣ Петровнѣ, уѣхала изъ дома. Матвѣевъ былъ на службѣ, и она не могла съ нимъ проститься.

Однако, Настасья Петровна все какъ-то странно поглядывала — она подозрѣвала Александра Сергѣевича въ большой неискренности и успокоилась только, узнавъ навѣрно, что Жюли получила мѣсто въ деревню и уѣхала изъ Петербурга.

XVI

Прошло еще два года. Въ это время умеръ сенаторъ Воротынскій, такъ до самой своей смерти и не впускавшій къ себѣ внука и называвшій его въ рѣдкихъ случаяхъ, когда приходилось упомянуть о немъ, не иначе какъ «этотъ болванъ». На похоронахъ дѣда Матвѣевъ встрѣтился съ той самой Лидочкой, которую когда-то старикъ прочилъ ему въ невѣсты. Теперь Лидочка стала прелестною женщиной. Она овдовѣла года съ два тому назадъ, послѣ краткаго и неудачнаго супружества. У нихъ было много общихъ воспоминаній, и Лидочка залучила къ себѣ нелюдима. Скоро онъ замѣтилъ, что его все больше и больше начинаетъ тянуть къ ней, и онъ не противился этому влеченію. Знакомые обращали вниманіе на перемѣну въ немъ: онъ помолодѣлъ, сдѣлался такимъ франтомъ. Это приписали тому, что послѣ дѣда онъ получилъ наслѣдство. Но все дѣло было не въ наслѣдствѣ, а въ Лидочкѣ.

Онъ все чаще и чаще останавливался на мысли о возможности женитьбы. Лидочка

правилаь ему и вовсе не скрывала, что и онъ ей нравится. Ему казалось, что молодая женщина очень добра, что она будетъ очень любить Машу. Къ тому-же вѣдь, она знала его покойную жену, была дружна съ нею. Дѣло налаживалось; развязка казалась близкой.

Лидочка уже не разъ бывала «у Настасьи Петровны и Маши», возила Машѣ игрушки и конфекты, наконецъ, приѣхала къ нимъ за-просто обѣдать. И Матвѣевъ, и она хорошо понимали, что этотъ день будетъ рѣшающимъ днемъ въ ихъ жизни. Настасья Петровна, тоже это понимавшая, была очень не въ духѣ, хотя тщательно скрывала свое огорченіе. Она все утро раскладывала карты — выходило все «марьяжъ» и потомъ «огорченіе отъ червонной дамы въ трефовомъ домѣ».

Матвѣевъ чувствовалъ себя взволнованнымъ, но въ то же время и счастливымъ. Ему такъ радостно было видѣть Лидочку рядомъ съ Машей, видѣть ее ласкающей его Машу. Дѣвочка болтала безъ умолку, цѣловала «тетю Лиду», разглядывала ее, говорила:

— Какіе у васъ хорошіе глаза, голубые какъ цвѣточки... ахъ, какое у васъ красивое колеч-

ко — когда я вырасту большая, такъ попрошу папочку, чтобы онъ непременно мнѣ подарилъ такое!..

Онъ не спускалъ съ нихъ глазъ и любовался ими.

Послѣ обѣда Машу увели въ дѣтскую. Настасья Петровна почувствовала себя совсѣмъ лишней и удалилась съ большою грустью. Они остались вдвоемъ въ гостиной. Рѣшительная минута приближалась: они оба были увѣрены, что приближается.

Матвѣевъ сталъ говорить о Машѣ, только о Машѣ. Онъ передавалъ всѣ подробности ея дѣтской жизни, увлекался, глаза его горѣли, онъ видѣлъ передъ собою только ее, свою дорогую дѣвочку.

Лидочка слушала сначала внимательно; потомъ ей стало скучно; потомъ досадно и просто обидно. Она вспыхнула и у нея сорвалось:

— Enfin, mon cher Александръ Сергѣевичъ, c'est bien drôle: vous ne parlez que de la petite... vous ne pensez qu'a elle!

Онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ и вдругъ поблѣднѣлъ.

— Vous dites, madame? — проговорилъ онъ такимъ тономъ, что Лидочка совсѣмъ разсердилась.

Но ему было все равно. Онъ зналъ теперь, что не женится. Лидочка стала очень любезной и скоро уѣхала.

Проводивъ ее, Матвѣевъ долго стоялъ передъ портретомъ жены и глядѣлъ на него не отрываясь. Давно забытая тягость, какъ семь лѣтъ тому назадъ, налегла на него и стала душить.

— Маша! Маша, — крикнулъ онъ:— гдѣ ты? Маша вбѣжала.

— Что, папочка?.. А какъ жаль, что тетя Лида ужъ уѣхала... Сама обѣщала остаться, пока я спать пойду, а сама уѣхала...

Матвѣевъ взялъ дѣвочку на колѣни, прижалъ ея головку къ своей груди и, цѣлуя ее, шепталъ:

— Не надо намъ тети Лиды... намъ лучше такъ, вдвоемъ съ тобою... Развѣ тебѣ скучно съ папой?

— Нѣтъ, папочка, не скучно, — какъ-то вздохнула Маша и обвила шею отца ручонками, крѣико къ нему прижимаясь.

И въ ту-же минуту тягость отпустила, и онъ вздохнулъ свободно, полной грудью.

Лидочка уже не бывала больше «у Настасьи Петровны и Маши» — она уѣхала за границу. Настасья Петровна торжествовала, успокоилась, и съ тѣхъ поръ Матвѣевъ не возбуждалъ въ ней безпокойства.

Онъ вернулся къ своей прежней жизни и не испытывалъ никакихъ соблазновъ. Онъ жилъ только для Маши, отдавая ей все свое свободное время, уча ее самъ и слѣдя за ея уроками. Къ службѣ своей онъ былъ равнодушенъ и потому не сдѣлалъ карьеры. Все его честолюбіе заключалось въ Машѣ, всѣ его награды въ ея привязанности и ласкахъ. Всегда скромный и разсѣянный, онъ принималъ гордую осанку, когда шелъ подъ руку съ подросшею хорошенькой дочкой или когда сидѣлъ за ея стуломъ въ ложѣ театра.

И вотъ прошли года. Маша выросла. Она хочетъ замужъ, она любитъ Бирюлева, и Бирюлевъ просить ея руки.

XVII

Всѣ эти годы, унесшія молодость, быстро и ярко мелькали передъ Матвѣевымъ. Чувство горькой обиды, тяжкаго, никогда еще не испытаннаго имъ оскорбленія поднималось въ немъ. Вѣдь, во всѣхъ его воспоминаніяхъ, дняхъ и часахъ однообразной, никому не интересной жизни зауряднаго человѣка и нелюдима, — была одна только сущность, одинъ смыслъ — Маша. Ради нея отказался онъ отъ своего личнаго счастья и наслажденія, отъ всѣхъ удовольствій и успѣховъ.

И вотъ, когда зеркало сейчасъ показало ему, что приближается старость, — у него не остается ничего, ему грозитъ сердечная нищета, онъ совсѣмъ одинокъ, никому не нуженъ.

«Боже мой, какая жестокая неблагодарность!» — мучительно думаль онъ, совсѣмъ забывая, что надо-же раздѣться, лечь въ постель, затушить свѣчу, что скоро ужъ утро.

Онъ снова опустился въ кресло.

«Боже мой, какая жестокая неблагодарность!» — мысленно повторилъ онъ. «Я от-

далъ ей все, — и вотъ она предательски хочетъ меня покинуть! Явился молокососъ, который мѣсяцъ тому назадъ, можетъ быть, совсѣмъ о ней не думалъ, который, можетъ быть, и любить-то ее никогда не сумѣетъ — и она бѣжитъ отъ меня съ этимъ молокососомъ!.. Она его любитъ!.. любитъ!.. Да когда-жъ это она успѣла полюбить его? за что? что онъ для нея такое?.. Она его любитъ!.. а потому надо бросить отца, который жилъ, дышалъ ею... Да, вѣдь, я не могу жить безъ нея! вѣдь, я умру безъ нея.

И ему представлялось, что вотъ ея нѣтъ... онъ одинъ. Онъ возвращается со службы домой — и она не встрѣчаетъ его... Ея нѣтъ нигдѣ, ни въ гостиной, ни въ кабинетѣ, ни въ ея спальнѣ. Все пусто. Когда онъ такъ приходилъ домой, а она куда-нибудь уѣхала и еще не возвращалась, онъ всегда съ тревогой и нетерпѣніемъ бродилъ по комнатамъ, минутно смотрѣла, на часы, начиналъ представлять себѣ всякія невозможности и ужасы.

Но, вѣдь, даже представляя себѣ эти невозможности и ужасы, онъ все-же зналъ, что она должна вернуться. Раздавался звонокъ, онъ

спѣшилъ съ радостнымъ сердцемъ въ переднюю.

А тутъ онъ пріѣдетъ домой — ея нѣтъ, все пусто, и онъ будетъ знать, что нечего ждать, нечего смотрѣть на часы — сколько ни жди, она не вернется...

Онъ весь холодѣлъ; дрожь ужаса пробѣгала, по его членамъ.

Да нѣтъ-же, вѣдь, это безуміе! по какому праву этотъ чужой человѣкъ возьметъ ее, по какому праву она покинетъ отца?!

„Я не отдамъ ее! — вдругъ рѣшилъ онъ. — Не отдамъ... я выгоню его вонъ, этого молоко-соса!.. Какая низость — я такъ ласкалъ его, принималъ какъ родного, старался быть ему полезнымъ... Я считалъ его за хорошаго малаго... и вотъ чѣмъ онъ отплатилъ мнѣ!.. Я выгнью его вонъ... Я не хочу отдавать ее за него замужъ... Я отецъ, имѣю права надъ нею... она еще совсѣмъ почти ребенокъ... ей рано замужъ, рано... да и просто: я не считаю его достаточно хорошей партіей... потомъ, потомъ я найду ей мужа лучше, въ которомъ буду увѣренъ“...

Онъ почти успокоивался на этомъ

рѣшеніи, на этихъ мысляхъ. Но не надолго. Онъ начиналъ съ ужасомъ чувствовать, что все это не то, что это только слова, которыми онъ себя успокоиваетъ. И тревога, тоска, обида поднимались снова.

Ему хотѣлось бѣжать къ ней и на колѣняхъ умолять ее отказать Бирюлеву.

„Маша, дѣвочка моя, — мысленно обращался онъ къ ней: — развѣ я мало любилъ тебя? вспомни, вѣдь, я всегда былъ съ тобою, сдувалъ съ тебя каждую пушинку... Вспомни“...

И самъ онъ вспоминалъ страшные дни, когда Маша заболѣвала и когда докторъ объявлялъ, что это скарлатина, или вѣтряная оспа, дифтеритъ, или тифъ. Она вынесла всѣ эти болѣзни. По чего это ему стоило! Боже, какіе бывали дни, какія бывали ночи! Никакая сидѣлка, никакая мать не могла такъ ухаживать, какъ онъ ухаживалъ за своей дѣвочкой. Онъ превращался и въ сидѣлку, и въ мать, и при этомъ онъ былъ еще и отцомъ, вся жизнь котораго заключалась въ этомъ ребенкѣ.

За что-же она теперь хочетъ его покинуть?! Вѣдь, она всегда была такой-доброй

дѣвочкой. Онъ съ радостью подмѣчалъ въ ней деликатность, благодарность, привязчивость. А его какъ она любила! Или онъ обманывался въ этой любви ея? Да, обманывался. Вѣдь, и сегодня утромъ она, какъ и всегда, ласкала его, — а сама думала о Бирюлевѣ... Откуда-же такая фальшивость, жестокость, такая чудовищная неблагодарность?..

„Нѣтъ, я выгоню вонъ этого негодяя, если онъ осмѣлится еще явиться!“ — снова рѣшалъ онъ, сжимая кулаки и всѣмъ существомъ своимъ ненавидя молодого офицера...

XVIII

Но вотъ онъ очнулся. Свѣча догорѣла и погасла. Изъ-за спущенныхъ шторъ уже брезжилось блѣдное утро. Онъ сидѣлъ весь разбитый, ослабѣвшій, съ тяжелой головою.

И вдругъ ему вспомнилось далекое, далекое, такое-же блѣдное зимнее утро... Онъ тоже не спалъ въ ту ночь, но не отъ горя, а отъ счастья... Да, онъ зналъ полное счастье любви. Оно было не долгимъ; но, вѣдь, оно было, вѣдь, онъ испыталъ его, испилъ его полную чашу... Потомъ пришло горе, тяжкое горе... Ко, вѣдь, онъ пережилъ это горе — и опять нашелъ любовь, любовь совсѣмъ иную, но такую-же могучую, такъ-же наполнившую его всецѣло, безъ остатка.

И эту новую любовь, съ ея новымъ блаженствомъ и мукой, онъ жадно пилъ долгіе годы. Зачѣмъ-же онъ обвиняетъ Машу въ неблагодарности, выставляетъ свои жертвы? чѣмъ-же онъ недоволенъ, на что пеняетъ?

Онъ жилъ такъ, какъ жилъ, потому что въ такой жизни было его благополучіе, его счастье. Если-бъ онъ чувствовалъ и находилъ,

что иначе жить — лучше, онъ и сталь-бы жить иначе. Его жертвы? да, вѣдь, въ этихъ жертвахъ и заключалось блаженство! Маша была его единственнымъ сокровищемъ, и естественно, что онъ хранилъ это сокровище всячески, берегъ и лелѣялъ его для себя, только для себя, для своего благополучія.

Никакихъ, никакихъ жертвъ не принесъ онъ ей ни разу въ жизни! Если онъ дрожалъ надъ нею и сходилъ съ ума при одной мысли о возможности потерять ее, такъ, вѣдь, это не для нея, а для себя. Не о ней онъ думалъ, а только о себѣ, такъ какъ потерявъ ее, становился нищимъ. И только этой нищеты онъ всегда и боялся... Онъ ушелъ отъ общества, удовольствій, успѣховъ, забылъ честолюбіе, забылъ все, — такъ, вѣдь, это потому только, что дома, вдали отъ всего этого, около Маши, было ему гораздо лучше, счастливѣе. Если-бы иначе было — онъ и уходилъ-бы изъ дому, искалъ-бы удовольствій, успѣховъ, почестей, высокаго служебнаго положенія.

Онъ не позволилъ себѣ грубаго, чисто физическаго увлеченія швейцаркой Жюли, — такъ, вѣдь, это потому только, что чистые

дѣтскіе поцѣлуи его ребенка для него были дороже всякихъ иныхъ поцѣлуевъ, и ему показалось, что, предавшись своему новому влеченію, онъ ужъ не будетъ въ состояніи безмятежно принимать эти дѣтскіе дорогіе поцѣлуи. Ему показалось это, и онъ легко ушелъ отъ соблазна — такъ великъ былъ страхъ потерять сокровище, такъ много, значить, счастья давало ему это сокровище...

Онъ въ мигъ одинъ отказался отъ женитьбы на Лидочкѣ, которая ему такъ нравилась, только потому, что слова ея возбудили въ немъ опасеніе, что она недостаточно будетъ любить Машу. Значить, онъ мало любилъ эту Лидочку, значить, опять таки, онъ испугался за себя, за свое сокровище — и только...

Никогда, никогда никакихъ жертвъ не принесъ онъ Машѣ, никогда до сихъ поръ не думалъ онъ о ней, не жилъ для нея, а думалъ только о себѣ и жилъ для себя. А теперь — отчего онъ въ такомъ ужасѣ, отчего такъ страдаетъ? Только изъ боязни, что ему будетъ тяжело жить, когда Маша его покинетъ.

Опять о себѣ одномъ онъ думаетъ, только о себѣ!..

Развѣ мало было этихъ восемнадцати лѣтъ
полнаго счастья, даннаго ему Машей? Развѣ
не пора, наконецъ, отблагодарить ее за это
счастье и въ первый разъ забыть о себѣ и по-
думать о ней?

Какъ сонъ промелькнуло это счастливое
время, она все еще кажется ему ребенкомъ;
но, вѣдь, она выросла, созрѣла, она должна
любить и въ очередь испытать счастье... Ея
выборъ удаченъ... вѣдь, онъ самъ, нѣсколько
часовъ тому назадъ, такъ любилъ Мишу Би-
рюлева...

«Отдать ее... отказаться отъ этой счастли-
вой жизни! Боже!.. какъ жить тогда?! Но,
вѣдь, я люблю ее, люблю!.. и докажу это»...

Все лицо его было въ слезахъ. Горечь оби-
ды прошла безслѣдно. Тоска и грусть
смѣшались съ новымъ, отраднымъ и теплымъ
чувствомъ.

XIX

Часы пробили девять. Онъ подошелъ къ умывальнику, умылся, надѣлъ свой любимый сюртукъ и вышелъ въ залу, блѣдный, осунувшійся, но спокойный.

Въ дверяхъ гостиной мелькнулъ голубой фланелевый пенъюаръ Маши. Она робко остановилась; но, подавивъ свое волненіе и храбрясь, пошла навстрѣчу отцу.

— Папочка, ты уже всталъ... такъ рано?!- тихо проговорила она, поднимая на него усталые и даже немного опухшіе, видимо, отъ недавнихъ слезъ, глаза.

— Да, вѣдь, и ты уже встала!

Онъ обнялъ ее, повернулъ къ себѣ ея поблѣднѣвшее личико и, цѣлуя ее, говорилъ:

— Вчера я очень дурно себя чувствовалъ... самъ не знаю почему... теперь прошло... Такъ ты уже замужъ собралась? а?..

Голосъ его дрожалъ. Онъ слышалъ подъ своей рукой, какъ усиленно бьется ея сердце... Она молчала, только старалась спрятать лицо на груди его.

— Ты знаешь... я очень люблю Мишу...

Надѣюсь... вы будете счастливы...

Вдругъ она зарыдала.

— Да... я люблю его, — сквозь рыданія, прерывающимся голосомъ шептала она:— только... папочка, милый... я не хочу, не могу разстаться съ тобою... мы должны быть вмѣстѣ... иначе... я... я не пойду... замужъ...

Но онъ ея не слышалъ. Внезапная мысль пришла ему въ голову и его поглотила. Онъ думалъ о томъ, что они, Маша и Бирюлевъ, молоды, полны жизни, любятъ другъ друга, что поэтому естественно, почти неизбѣжно появленіе на свѣтъ новаго существа, и въ скоромъ времени. Эта мысль наполнила его трепетомъ и блаженствомъ. Онъ чувствовалъ, что новое счастье, и еще краше, еще полнѣе, идетъ ему навстрѣчу. Ея ребенокъ!..

— Мы не будемъ откладывать свадьбу! — вдругъ воскликнулъ онъ радостнымъ голосомъ.

Настасья Петровна вошла въ залу и остановилась изумленная, моргая глазами. Она слышала его слова, видѣла его счастливое лицо. Такъ Машѣ только показалось что-то неладное... Что-же, въ такомъ случаѣ, означа-

еть «пиковой интересъ въ трефовомъ домъ и
разстройство червонной масти съ сердечны-
мъ огорченіемъ»?!..

1917